

21 мая 2006 Майя Прицкер

«По-русски, по-русски!», или Шостакович interrupted

У медали, как известно, две стороны. Дмитрий Хворостовский давно и заслуженно любим не только меломанами, но и самыми широкими народными массами. Он – единственный вокалист, который может до отказа заполнить огромный Эвери Фишер-холл дважды в одном сезоне и с совершенно разными программами.

Через четыре месяца после его триумфального концерта с оркестром под управлением Константина Орбеляна, где звучали арии из русских опер и советские песни, Хворостовский предложил послушать нечто менее привычное: Сюиту Шостаковича на слова Микеланджело, а во второй части программы — романсы русских композиторов на стихи Пушкина, которые, конечно, знакомы русскому слушателю, но редко звучат в Америке.

Публика и на этот раз явилась в Линкольн-центр дружными рядами, в которых английская речь была щедро прослоена русской. Принимали певца с поистине беспредельным восторгом (сразу скажу, заслуженным и на этот раз), требовали «бисов» (и получили четыре), дарили цветы, а потом выстроились в длинную очередь за автографами на дисках, которые тут же раскупали со страшной скоростью. Тут-то пора сказать и о других последствиях столь широкой популярности. Немалая часть пришедших на концерт к категории постоянных посетителей филармонических программ не принадлежит. Она не привыкла к тому, что перед концертом надо полностью выключить «мобильник» и что, если в зале так много народу, лучше занимать свои собственные места, чтобы в самое неподходящее время не надо было их уступать законным владельцам, и хорошо бы вообще не шуметь, особенно в Эвери Фишер-холле, где каждый шорох неприятно отдается во всех его концах.

А еще многие в зале явно не знали, что если в названии произведения есть слово «цикл» или «сюита» или «соната», то аплодисменты между частями неуместны, потому что композитор создавал свой опус как единое целое. В данном случае помнить это было особенно важно.

Сюита Шостаковича и в России исполнялась не часто, а здесь – даже и не припомню когда. Но коль не знаешь произведения, будь внимательней и уважай автора, прислушайся к музыке, оглянись вокруг, открой, наконец, программку! Увы! После первой песни цикла раздались аплодисменты. И хотя большая часть зала их не поддержала, после каждой части Сюиты кто-то упорно заводил очередной раунд аплодисментов.

«Ну и что? – скажет неискушенный гражданин. – Надо же поддержать певца!» А то, что Сюита Шостаковича – произведение, требующее сосредоточенности и погружения в отнюдь не рядовой, не повседневный мир. Композитор создавал его в 1973-74 гг., более чем когда бы то ни было в своей жизни думая о приближающейся смерти и о бессмертии, если оно существует, о человеческой и о своей собственной судьбе, о творчестве, которое столько ему дало, но и стольких жертв потребовало. Это были мрачные мысли, и философские сонеты Микеланджело, переведенные на русский Андреем Вознесенским по случаю 500-летия со дня кончины гения Ренессанса, оказались им поразительно созвучны. И недаром почти все части Сюиты – медленные и написана она для низкого голоса — баса, и мелодическая линия основана на декламации. Размышление, предсмертное завещание и в то же время

музыкальный аналог мощи микеланджеловского стиля... Я уж не говорю о том, что в этом вокальном цикле части связаны между собой общими интонациями, даже темами... Аплодисменты, врывающиеся в этот мир (иногда даже до окончания части!), разрушали его, толкали в тривиальность, где нет места ни философским вопросам бытия, ни трагедии великого художника, ни сопереживанию, ни мысли.

Хворостовский, вероятно, к таким вещам привык, а потому проявил выдержку и, невзирая на помехи из зала, исполнил цикл с обычной своей точностью, богатством красок и чуткостью к слову и мысли. Пел он, держа на пульте перед собой ноты (что оправданно сложностью и слов, и музыки с ее непредсказуемой вокальной строчкой), но заглядывая в них лишь время от времени. Впрочем, Сюита — все еще новое сочинение в репертуаре певца, который, к тому же, еще довольно молод и «солнечен», чтобы до конца проникнуться ее почти безысходным трагизмом (недаром лучше всего ему удалось вторая часть «Утро» и третья — «Любовь»). Так что впереди — новые и еще более глубокие интерпретации. Что же касается «перевода» из басовой в баритональную, то его плюс лежит в большей подвижности баритона и, значит, в иной амплитуде музыкальных красок, а минус — в том, что более темный, даже мрачный басовый тембр придает музыке значительность и глубину. Так что выбирайте, что кому нравится.

Во второй части программы ноты были не нужны, потому что звучали любимые романсы русского классического репертуара: «Я помню чудное мгновенье», «В крови горит огонь желанья» и «Признание» Глинки, спетые с необыкновенным, истинно глинковским, почти кружевным изяществом, бурный «Ночной зефир» Даргомыжского и его же «Юноша и дева», где Хворостовский еще раз продемонстрировал свое уникальное «legato». Но особенно заворожили «Для берегов отчизны дальней» Бородина и «Редет облаков летучая гряда» Римского-Корсакова, в чем-то близкие создания друзей-коллег, элегии с широкими прекрасными мелодиями, которые так удаются певцу. Драматический романс «Мечтателю» Метнера сменился популярной «Не пой, красавица, при мне» Рахманинова, где в голосе певца звучала подлинная, бередящая душу горечь.

В конце — два популярных романса 1930-х годов: ностальгический «Фонтану Бахчисарайского дворца» Власова и насмешливый свиридовский «Подъезжая под Ижоры».

Разделить успех Хворостовского должен его великолепный партнер Ивари Илия — виртуоз, не выставляющий напоказ свою виртуозность и вообще свое «я», но музыкант, подчиняющий свой незаурядный пианизм — нет, не певцу, которому, впрочем, всегда помогает, а музыке.

Вам, конечно, интересно, что пел Хворостовский на «бис». Арию из редко исполняемой оперы Верди «Эрнани» и две итальянские песни, в том числе свою и нашу любимую «Parlami d'amore, Mariu». А потом вышел на сцену без партнера и сел за рояль. Все в изумлении затихли, после чего певец обратился к залу по-английски, пытаясь объявить, что еще он собирается спеть. Тут из зала стали громко требовать «Ноченьку» и «Очи черные», а какой-то мужчина закричал «Говорите по-русски, по-русски». Забыл, наверное, что он не в Москве и даже не в «Миллениуме».

Хворостовский и на это не обратил внимания, а довел свое объявление до конца и исполнил «Ноченьку», да так, как не пел ее никогда.